

ФИКЦИЯ

Рассказ

Во сне меня с друзьями арестовали. Я хорохорился, делал вид, что ни капли не обеспокоен. «Нас могут держать только сорок восемь часов, — говорил я друзьям, — потом или арестуют, или отпустят».

Проснувшись, я понял, что вчера лег, не раздевшись. Стресс, что ли, на меня так действует? С трудом поднялся, стараясь не смотреть в настенное зеркало. Морда у меня с утра еще та. После некоторых процедур, поплелся на кухню и подогрел чай.

Вот не знаю я, как относиться к снам. С одной стороны, есть доля врожденно-го скептицизма, с другой — люди получше меня воспринимали сны всерьез. Жаль, что искусство их толкования практически утеряно. И речь не о всяких там экстра-сенсах-шарлатанах, а о людях совсем другого качества. Такие раньше были, при дедах.

Услышал шаги жены.

— Чего так рано встал?

Я промолчал. Покачав головой, она спросила:

— Опять?

— Угу.

— Который уже раз?

Я опять промолчал. А что тут объяснять? Моя профессия — фикция. Вчера моего подзащитного посадили на очень большой срок. И дело не в том, что за четыре месяца, которые прошли с того дня, как я стал адвокатом, ни одного человека из тех, что я защищал, не оправдали (никто и не ожидал от нашей системы таких достижений), а в том, что все принципиально глухи к моим доводам. Как будто я пустое место. Я прихожу. Я говорю. Они кивают, они выносят свое никак не соотносящееся с моими доводами решение. Трехглавое чудовище: судья-прокурор-следак. Машина по вынесению обвинительных вердиктов. Вы можете быть семи пядей во лбу, говорить умные вещи, но что делать, если судья заранее уже подготовил решение? — привычный монолог в голове. Кажется, мне нужно искать другую работу.

— Не переживай ты так, — утешает жена, помешивая ложкой какао, — хотя я говорила тебе, что не стоит этим заниматься. Ты ж меня не слушаешь никогда.

Впрочем, произносит она все это без особых эмоций, как старое заклинание.

— Детей надо сегодня в садик?

— Конечно, — отвечает она.

Пока она собирает девочек, я смотрю сообщения на телефоне. «Досхиев. 12-00. Арест. Судья: Маматиев». После садика, значит, сразу в суд. Успеваю вроде бы ознакомиться с материалом. Хотя какой в этом смысл, не знаю. Все равно этого Досхиева закроют.

Билан Бисланович Дзугаев родился в 1987 году в городе Таганроге. Школьные годы провел в Ингушетии. Окончил Государственный университет управления в Москве по специальности «Юриспруденция». В 2013 году вернулся в Ингушетию. Участник Форумов молодых писателей (2014, 2015). Публиковался в сборнике «Новые писатели-2015». Повесть «Стон земли» издана в Ингушетии в 2017 году отдельной книгой. Живет в городе Сунжа.

Наконец супруга вывела детей. Садик у нас недалеко. Немного проехать по улице, мимо сожженного дома (в народе поговаривают — это джинны), за угол. Так это выглядит в теории. На практике все немного сложнее. Девочки обязательно не могут поделить куклу. Младшая выливает сок на сиденье. Старшая ревет, что младшая ее дернула за волосы. Обычное дело.

Поцеловав девочек и препоручив их заботам воспитателей, я отправился на работу.

— Привет, — помощник судьи поднимает голову, — привет, Ахмет.

— Я сегодня у Досхиева. Дашь материал глянуть.

— Он у судьи. Сейчас принесу.

Помощник судьи — девушка лет двадцати пяти. То есть на пять лет меня моложе. И раз в двадцать симпатичней. Врать не буду, помощники и секретари — ребята неплохие. Все они тут люди неплохие. По отдельности.

Наконец материал у меня. Листаю. Ничего особенного. Кража. Арестован по де-вяности первой. Следак вышел с арестом. Все как обычно... оппа, а это что?

«Странно, — подумал я, — перелистывая материал. Может, так и надо? Или хотя бы можно? И ведь не помню сейчас, а спрашивать кодекс у судейских неудобно. Где бы подсмотреть... Обычно заключенного долго доставляют из СИЗО, так что времени на подготовку должно хватить. Сбегаю в офис и прочитаю нужные статьи».

Телефон зазвонил. Смотрю на экран: двоюродный брат.

— Эй, я слышал, твоему клиенту вчера пятнадцать лет дали? — задает Мансур риторический, в общем-то, вопрос.

— Правильно слышал.

— Не переживай. Это не твоя вина. Мы всех закрываем.

— Всех, кто не платит, ты хотел сказать.

— Такое разве по телефону обсуждают? — он смеется.

— Может, возьмете меня к себе? Кажется, я занимаюсь не своим делом.

— Если бы я не знал тебя, Ахмет, решил бы, что ты всерьез. Таких, как ты, на пушечный выстрел к прокуратуре подпускать нельзя.

Теперь смеюсь я. Невесело.

— В общем, ты, это... Не расстраивайся. Будь, как остальные. Тебе ж толком даже не платят.

— Хорошо, брат, — я положил трубку.

На самом деле я не шутил, мне нужно найти другую работу. Может, пойти куда-нибудь каменщиком? В студенческие годы я подрабатывал на стройках. Там хоть какую-то пользу приносишь. Да и сезон сейчас.

Из кабинета судьи выбежала секретарь.

— Ахмет, твоего привезли.

— Уже? Что так быстро-то?

— Все, все. Заходи в зал.

И это при том, что я не верю в закон подлости. Чуть задержавшись в тщетной надежде увидеть брошенный кем-нибудь УПК, я прошел в зал судебных заседаний. За левым столом уже успели разместиться два молодых парня: следователь и помощник прокурора. Ну конечно, этим и положено парой ходить. Двое из ларца. Караящие близнецы. Кастор и Полидевк, думал я, бросив вслух лишь: «Приветствую». Бравые работники кивнули в ответ и отвернулись.

За решетками справа сидел мой подопечный. «Какое неуважение — закрывать человека в клетку, как животное какое-нибудь». Досхиев оказался сорокалетним подтянутым мужиком в спортивном костюме, с загорелым лицом и черными с проседью короткими волосами.

Подойдя к нему, я поздоровался.

— Я Ахмет Цараев, твой адвокат.

— Государственный, что ли? — угрюмо спрашивает Досхиев.

— Нет, папин и мамин. Государственных не бывает. Меня суд пригласил.

Досхиев смотрит с недоверием.

— Я тебя не звал, — говорит он.

— Но и не отказывался, — отвечаю я с раздражением и возвращаюсь на свое место. Этому я тоже не нужен.

Мы с Мансуром учились в одном классе. Потом юридический. Оба мечтали попасть в следствие и сажать преступников. Только у Мансура нашлись деньги купить себе должность, а у меня — нет. Проваландавшись в разных юрфирмах, я пошел в адвокатуру. В день экзаменов мы с братом поспорили.

— И что, ты будешь местных урок, педофилов и наркоманов защищать?

— Не их, а — закон. Чтоб если уж наказывают, то по закону.

— А ты знаешь, — втирал он мне, — что по шариату, если ты впрягаешься за неправую сторону, ты сам как бы становишься таким же.

— А ты знаешь, — отвечал я, — что однажды халиф Умар шел по улицам Медины и услышал громкие голоса из двора одного горожанина. Ворота были закрыты, поэтому Умар взобрался на ограду и увидел мужчину и женщину, которые пили вино.

— И что? Высекли их?

— В том-то и дело, что нет. Умар стал бранить мужчину, а тот ответил: «Да, я совершил грех. Но пока я совершал один грех — ты совершил три. Ты выискивал ошибки, хотя Коран это запретил. Ты взобрался на чужую ограду, и это запрещено. Ты вступил на чужую землю, и это тоже запрещено». Умар согласился с мужчиной и покинул двор.

— К чему ты это рассказываешь?

— К тому, что если ты хочешь кого-то призвать к ответу, делай это правильно.

Тот спор я выиграл. Толку-то? Дела я проигрываю с невероятным успехом.

— Встать, суд идет.

Судья в мантии быстро прошагал к месту.

— Рассматривается ходатайство следователя Итиева об аресте гражданина Досхиева, обвиняемого... — забубнил судья бесцветным голосом.

Пока судья бормочет под нос, я напряженно думаю. Прокатит или нет? А вдруг все правильно, а я выставлю себя дураком? Да и если неправильно, разве судья послушает меня? Опыт подсказывает, что — нет.

Кастор встает с места, поправляя дорогие часы, и зачитывает свое ходатайство. Просит суд арестовать подозреваемого на два месяца.

— Прокурор, вы что скажете? — кивает судья Полидевку.

— Мы согласны... — отвечает тот с готовностью.

Ну, еще бы. Сказал бы что-нибудь язвительное, но я сдерживаюсь.

— Адвокат?

Была не была.

— Ваша честь, прошу обратить внимание, что моего подзащитного не допросили.

— Говорите громче, адвокат. И четче.

— Я хотел сказать... — говорю я и чувствую, что краснею, — моего подзащитного не допросили.

— В каком смысле? — хмурится судья.

— Насколько я знаю, — нет-нет, нельзя так неуверенно, — закон гласит, что задержанного нужно допросить в течение двадцати четырех часов. А в деле протокола допроса нет.

— Вы что, забыли приложить протокол? — поворачивается судья к следователю.

— Я... я... не забыл. Мы просто не успели допросить. Сроки поджимали.
— Как это не успели? А вы что, прокуратура, не видели, что допроса нет?
— Ваша честь, — неуверенно отвечает второй, застегивая зачем-то пуговицы модного пиджака, — мы считаем, что это не является нарушением...

Тут до меня доходит, что никто толком не смотрел материал. Ни судья, ни прокурор. Человека хотят запереть в бетонной комнатухе на два месяца, а может, и на больший срок, и никто не удосужился даже спросить, что он думает об обвинении.

— Итак, мы выслушали доводы сторон. Суд удаляется в совещательную комнату.

Судья встает и выходит из зала. Мы все встаем. У меня ощущение, что я смог их зацепить. Не сомневаюсь, что судья закроет глаза на промах, и все же что-то у них пошло не так. Смотрю на противоположный стол с усмешкой. Не ожидал, что их неуверенные движения и ответы доставят мне такое удовольствие.

Прошло пять минут, потом десять. Следователь и помощник прокурора о чем-то оживленно перешептывались и с беспокойством поглядывали на дверь. Прошло двадцать минут. Это долго. Обычно судья думает минуты три. Точнее, делает вид, что думает. Решение-то готово заранее. Дверь в зал открывается, входит помощник: «Следователь, прокурор, — к судье». Ого, а вот это уже серьезное нарушение. Или про тайну совещательной комнаты тут никто не слышал?

Минут через пятнадцать карающая троица возвращается. Следователь бледен. Прокурор как-то криво усмехается. У судьи лицо невозмутимое, но щеки багровые.

— Выслушав доводы сторон, а также с учетом... постановил: в удовлетворении ходатайства следователя отказать...

Честно говоря, в первые секунды мне показалось, что я ослышался. Как только судья объявил конец заседания, следователь, ни на кого не глядя, выскочил за дверь. Прокурор встал и тоже быстро проследовал к выходу. У двери он повернулся в мою сторону: «Неплохо». Я кивнул.

Потом секретарь рассказала мне, что все двадцать минут в совещательной комнате судья на них кричал, что они не оставляют ему выбора, и что, как бы он ни хотел, не может арестовать человека без допроса, а они, прислав ему такой материал, чуть не подставили его, и что их уделал (да, да, Ахмет, он так и сказал) вчерашний студент.

Конвой открыл клетку и тоже покинул зал заседания. И вот мы с Досхиевым смотрим друг на друга.

— Не понял, — говорит он, — че это было?

— Тебя не арестовывают, — отвечаю, стараясь не показать, что ошеломлен не меньше его.

— Да ладно, братан. Seriously? В самом деле?

Серьезней некуда! Deus ex machina подавился! Но ничего такого я не произношу вслух. Мы вместе идем по темным коридорам к выходу. Солнечный свет бьет в лицо Досхиева, и он закрывает глаза тыльной стороной ладони. Снаружи ждет толпа родственников Досхиева. Братья, тети, дяди, сыновья, племянники. Они тут же окружают нас. Все бросаются обнимать Досхиева, кто-то плачет.

И тут, схватив меня за руки, он восклицает:

— Это он! Он меня вытащил! Вот этот парень!

Теперь они обнимают меня. «Спасибо, спасибо тебе», — слышно со всех сторон. Меня хлопают по спине, пожимают руку.

— Да не за что, это моя работа, — отвечаю я. И улыбаюсь.

НА БЕРЕГУ

Повесть

1

«Везан Давл — Боже, — думал Адам, — какие люди у нас бескультурные».

Столь прозаичная мысль посетила его при виде берега Ассы в Гажар-Юрте. То тут, то там на покатых склонах, проглядывающих из-за деревьев, мелькали среди клочков жесткой травы пустые пластиковые бутылки, пакеты, проплешины от костров и прочие отметины основательного времяпрепровождения.

Адам ехал медленно, надеясь заприметить ребят, собирающих мусор.

Жара стояла нестерпимая. Пыль от колес серо-желтой змеей стелилась следом. Болью в голове отзывался каждый опробованный машиной ухаб. Утром он забыл выпить таблетки. Простуда, навеванная кабинетным кондиционером, за последнюю неделю чуть его не доконала. А может, это и не простуда вовсе. Адам по настоянию жены решил лечиться.

— Вы, мужчины, такие глупые, — говорила она, расчесывая гребнем свои густые волосы, — стоит вам слегка приболеть, чуть ли не завещание пишете, но от таблеток до конца отказываетесь, боитесь.

Он тогда промолчал. А что отвечать на правду?

Остановив машину в пыльной тени растущего у дороги дерева, Адам долго думал, не в силах определиться: ехать ли дальше или прямо здесь идти к берегу. Просидев так не менее двадцати минут, он, преодолев сомнения, принял решение. При этом его не покидало тягостное чувство человека, совершающего что-то нехорошее, грозящее смутными последствиями. Адам вышел из машины и зашагал к берегу.

Он почти сразу пожалел о своем решении: ноги не слушались, его пошатывало.

От бурлящего потока его отделяла широкая полоса травы, выжженной августовским солнцем. Невысокие кусты дикой алычи, слегка припорошенные дорожной пылью, встретили его, как одинокие привратники. Подойдя ближе к тенистой узкой лесополосе, Адам увидел, что к воде здесь спуститься не сможет: берег оказался крутым и обрывистым. Надо подниматься выше — против течения, но в раскаленное чрево машины возвращаться тоже не было сил.

Адам из-под козырька руки, сооротив гримасу, бросил взгляд на небо, где оплывшее летнее солнце изливало без усталости вниз потоки жара. Небо было таким же: нечетким, линиялым, ускользающим от взгляда. Невесомые скопления то грязновато-серых, то палевых облаков разорванными тонкими кусками плыли неизвестно куда, оставляя за собой неясные полосы.

Утомленно переведя взгляд, он потянулся к ветви со сливами янтарного цвета. Потерев одну о рукав, надкусил и поморщился: все равно кислые. Адам обернулся к дрожащему миру дороги, еще сомневаясь, затем потянулся к воротнику рубашки и расстегнул его. Ненавистный галстук остался в машине. Пожал плечами и отправился в путь.

2

Они ему даже не позвонили. Давно перестали звонить. Поняли, что Адаму не до них, тем более он всегда находил, что сказать: работа, семья. Отговорки были тыся-

чи. И все уважительные. В этот раз он просто увидел объявление в Интернете: «Собираемся на уборку берегов Ассы!» И телефон. Телефон приятеля студенческих лет.

После переезда в Ингушетию Адам обрубил эти нити, нашел новую работу, женился. Родился ребенок, и жизнь окончательно свернула на другую дорогу. Проторенную.

На самом деле Казбек был больше чем приятелем, он был другом. Лучшим другом. Единственным человеком, которого Адам всегда встречал с радостью в любое время суток. Чем Казбек, по обыкновению, пользовался. Он появлялся на пороге общежития далеко за полночь, тащил Адама в неизвестные дали Москвы, в глубокие ее недра, и так до утра, пока они не оказывались где-нибудь в Выхино или, того лучше, в отделении полиции, где сотрудники с красными от недосыпа и алкоголя глазами грозили им всевозможными карами, размахивая то отнятой битой, то просто кулаками. Впрочем, им везло, за серьезные проделки их ни разу не ловили.

С тех пор прошло всего-то пять лет, срок небольшой, но достаточный. Теперь Адам в костюме, на хорошей работе, водит ребенка в детский сад, старается не нарушать правила дорожного движения, в общем, превратился в нормального члена общества.

Казбек тоже вернулся домой. Только он выбрал себе занятие, хоть и достойное в каком-то смысле, но заставившее многих от него отвернуться. В том числе и Адама, что не мешало ему отслеживать дела друга, читая о них в сети или слушая, что о нем говорят люди (говорили в основном плохое). Так что акция по сбору мусора была самой безобидной проделкой его товарища за последнюю пару лет.

«Благо, — думал Адам, ударив носком мокалина очередную бутылку, — здесь в этом нуждаются».

Он увидел объявление об акции в Интернете вчера ночью, когда было совсем худо, и решил ехать.

Адам не стал звонить координатору, не хотелось напоминать о себе. Он просто «случайно» найдет их тут, где-то на берегу, и присоединится, чтобы помочь.

Адам столкнулся с двумя мужчинами, идущими от берега. Оба плотного телосложения, бородатые, в традиционных одеяниях мюридов: длинные льняные рубахи на пуговичках; на голове тубетейки (атласно-синяя и бордовая) с кисточками, обозначающие принадлежность к определенному братству. Почему-то Адаму бросилось в глаза потное пятно на груди того, что повыше ростом.

«Как странно, — тут же понеслась его мысль в этом направлении, в то время как сам он механически здоровался с ними, — у людей изменилось отношение к такой, казалось бы, простой вещи, как пот. В самом деле, если раньше пот был чуть ли не священен, ассоциируясь с трудом или святым радением, если раньше он был знаком физической или духовной работы, то теперь пот утратил этот смысл в сознании людей. Раньше ингуш строил, пас овец, разводил скот, ездил на лошадях и не был чужд природным запахам». Адам представлял, как такой ингуш, возвращаясь в родовое жилище, нес с собой смесь животного духа и травяных ароматов; и жена с детьми не воспринимали это как ужасный проступок. Люди были в родстве с землей, с природой.

А в горах ты не просто близок к земле, ты ощущаешь ее корни. Адам впервые почувствовал это, когда с коллегами в прошлом году, впервые в жизни, взобрался на *Майт-Лоам*. Не пройдя и нескольких сот метров вверх, он с непривычки страшно утомился. Чем выше, тем чаще останавливался. Затем, порядком отстав от группы, прилег на траву, глубоко вдыхая грудью благоухание горных цветов, с благодарностью прижимаясь щекой к громаде горы. Его не беспокоило, как он выглядит со стороны.

Адам покачал тяжелой головой: снова будто куда-то провалился. О чем он думал? О чем-то важном? О... поте? Неудивительно, его тут достаточно, Адам отер мокрый лоб.

Да, ингуш пас овец, но однажды вернулся домой, и жена (с которой они давно покинули башни: спустились на равнину) вдруг сморщила носик.

— Фи, — сказала она, — от тебя несет.

Если бы она сказала так лет сто назад, он лишь посмеялся бы над глупой женщиной, но теперь что-то изменилось, и он смутился. И пошел мыться.

С животными ингуш тоже почти перестал возиться, теперь в кабинете обитает, бумаги перекладывает, ну или на посту стоит где-нибудь, бряцающая казенным автоматом.

Изменился ингуш. Ему, вслед за женой, пот стал неприятен. Пот больше не признак работы, усердия, нет, он — только выделение организма и ничем не лучше других выделений, а значит, переходит в категорию постыдного. Того, что вызывает отвращение.

Солнце приблизилось к горизонту, заалев на сереющем небосводе. Сколько времени он тут бродит? Адам снял костюм и повесил на ближайший сук. От реки ощутимо потянуло прохладой.

Наверняка ребята были тут с утра, очевидно, он опоздал.

3

Утро воскресенья. Вчерашнего воскресенья. Несмотря на открытое окно, духота уже овладела комнатой, тяжелым покрывалом обнимая тело.

— Адам, — окликнула супруга, войдя в спальню, — вставай, пора на рынок.

— Какой еще рынок? — раздраженно ответил он. — Выходной, дай поспать!

Адам проснулся давно, но ему всю ночь снова снился тот человек, так что о здоровом сне речи не было.

— Отлично! — вскинулась молодая женщина. — Пешком пойду.

И пойдет же.

— А что тебе там нужно? — сделал он шаг к примирению, не поднимая головы с подушки.

— Мне — ничего. А вот в дом нужно купить продукты и еще...

— Ладно, понял, поедем. Только быстро: туда и обратно!

Однако стоило ему подняться с кровати, как его тут же повело. Затылок налился чугуном, как будто к нему прицепили гиру.

— Что с тобой? — нахмурилась жена, подойдя ближе.

— Ничего, простыл, кажется.

— Может, тогда дома останешься? — она провела рукой по его лбу. — Вроде не горячий.

— Заложило все, — прижал он руки к ушам, — не останусь. Поехали, надо так надо.

Адам размышлял, умываясь. Странно, что жена вообще заметила, что он заболел. Бывало, что и не замечала, занятая уборкой или еще чем-то. Но разве она виновата: они живут в большом доме, с родителями, его братьями и сестрами, то есть обычной ингушской семьей. В такой семье хозяйство лежит на невестках. Поэтому сложно от них требовать, чтобы они уделяли особое внимание мужьям. Тут вариантов только два: либо она будет хорошей хозяйкой для общего дома, либо — хорошей женой для него одного. Не зря отец часто шутит, говоря матери: «Ты такая замечательная родственница, еще бы женой такой же была». Адам в детстве не понимал, как это так, а теперь понял.

Они выехали через час. Адам открыл все окна в машине.

— Что ты делаешь? — возмутилась Арифа. — И так простывший.

До рынка было недалеко, по нагретым улицам Слепцовска они доехали, как всегда, быстро. Арифа вышла за продуктами, а он должен был загнать машину на платную стоянку. Остановившись у шлагбаума, он подождал, пока из будки, привычно протягивая руку за платой, выйдет парнишка в помятой чоповской форме. Охраннык поморщился, увидев удостоверение Адама. Но парень оказался упрямый, прихватив документ сильными мозолистыми пальцами, он стал читать и лишь потом, мгновение посомневавшись, махнул невидимому напарнику рукой: открывай.

«Все-таки в Москве не так было, — промелькнула тень досады, — там бы сразу пропустили».

На рынке торговали в основном приезжие из других республик, к которым ингуши относились доброжелательно. Это в столице с чужаками худой мир, а тут старое доброе соседство.

Прошло около часа, прежде чем Арифа вернулась с сумками. Все это время Адам сидел, уставившись в лобовое стекло, и шепотом считал: «Триста шестьдесят пять, умноженное на четыре, это тысяча четыреста шестьдесят. Тысяча четыреста шестьдесят, умноженное на двадцать четыре, это тридцать пять тысяч сорок. Тридцать. Пять. Тысяч», — медленно повторил он.

— Адам, Адам, — вырвала его из вычислений жена, — опять ты завис, хоть бы помог, руки отваливаются.

— Прости, — ответил он, осмысляя полученное число, — прости, пожалуйста.

Они поехали домой, но рядом с магазином для детей Адам остановился.

— Что там? — забеспокоилась жена. — Опять хочешь купить эту машинку? Ты же знаешь, у нас нет лишних денег.

— Лишних денег, — передразнил он ее, — никогда нет. — Отстегнув ремень безопасности, который он, вопреки тяге местных к бунтарству, всегда пристегивал, Адам выбрался из машины.

— Мама подумает, что мы транжирим деньги! — крикнула она ему вслед, только Адам уже не слышал. Он топтался у входа в магазин, на фасаде которого размещались детские велосипеды, pedalные машинки и другие игрушки. Адам давно присматривался к одной. И вот сейчас, расплатившись с продавщицей, он закинул красную машину в багажник, предвкушая, как обрадуется дочь.

— Ну вот, — услышал он голос жены с заднего сиденья, — всегда все делаешь по своему. Девочке купил машинку, — впрочем, через минуту упреки прекратились.

За пять лет, что они в браке, Адам узнал Арифу хорошо. Она, несмотря на показное возмущение, радовалась подарку для ребенка.

Чуть погодя Адам почувял, что настроение жены снова переменялось.

— Замечательно, что ты захотел сделать приятное девочке, но зачем покупать такую дорогую игрушку? — вернулась она к болезненной теме. — Мы начали строить дом, нам надо отделяться от родителей, ты зарабатываешь не так много, мы не можем позволять себе подобные траты.

Адам, сжав зубы, нажал на педаль газа. Автомобиль рванулся. Арифа что-то еще говорила в его застывший затылок, но быстро поняла, что слова не достигают цели.

Он почувствовал ее ладонь на своей руке:

— Только не злись... Я знаю, ты стараешься. Просто будь ответственной. Ну, пожалуйста.

Адам был ответственным. Он отлично знал, как много нужно денег для того, чтобы просто залить фундамент для дома. А где взять? Скоро должен родиться их

сын, рядом сидит беременная Арифа, с которой он старался не ругаться; все они ждут от него действий, надеются на него.

Самоназвание «ГаллГай» многие переводят как «строители башен». Поэтому когда отец или мать говорят в очередной раз про кого-нибудь: «А вон Ахмед — молодец, дом построил, сам! Без помощи родителей», — это, конечно, для него. Только вот у Адама не было нужной суммы, чтобы начать строительство, поэтому любые разговоры на эту тему его угнетали.

Через пять минут они подъехали к дому. Загнав машину на столь любимую ингушам тротуарную плитку, под сень раскидистого орехового дерева, растущего у края забора, Адам заглушил двигатель. Не успели они покинуть салон автомобиля, как из калитки вылетела маленькая девочка и с криками «Мама, папа, папочка!» обхватила Адама за ноги. Он быстро огляделся: нет ли посторонних (ведь на людях ласкать ребенка не принято), после чего потрепал девочку по волосам.

Голенькая загорелая фигурка в белых трусиках тут же метнулась к маме.

— Как дела, Паська? — спросил он, когда ребенок отлип от юбки матери.

— Нальмальна, — ответила малышка, широко улыбаясь, — нальмальна, папочка.

Арифа нагнулась и поцеловала дочку:

— А папа тебе что-то купил.

Через пять минут Паська, как заправский пилот гоночного болида, носилась по всему двору: «Смали, папа, смали, я катаюсь!» Она привыкла к таким игрушкам.

Светлые ее волосы развевались на слабеньком ветру, измазанное чем-то личико сияло. Она то жмурила глаза, то широко распахивала их в озорном выражении.

Несмотря на дурное самочувствие, на сердце у Адама потеплело. Много можно отдать за то, чтобы кто-то так радостно встречал тебя. И только потому, что это — ты. Душа ликует, когда знает, что ее любят.

Дочурка счастливо щебетала, переполняемая восторгом, не в силах оторваться от новой игрушки.

Жизнерадостность была из нее ключом. Как маленькая юла, она носилась по дому с утра до вечера. Адам символически сплюнул от сглаза и произнес короткую молитву. Паська приветливо встречала гостей, не плакала в чужих руках, не боялась незнакомцев. «Без комплексов», — как сказала одна глупая родственница.

Говорят, что здоровый характер ребенка, его внутренняя сила зависят от чувств, царящих в семье.

До женитьбы Адам думал, что необязательно, чтобы муж с женой любили друг друга, как в индийском кино. Главное, чтобы уважали, были друзьями. Это не его мысль. Так бабушка часто поучала приходящих невесток и уходящих дочерей. Впрочем, и те и другие искренне верили, что уж у них-то будет, как в сказке. Бабушки давно нет, но правдивость ее слов подтверждалась для младших поколений с каждым прожитым годом. Мудрость как произведение искусства: время ей только на пользу.

Адам взглянул на супругу, она возилась у плиты под навесом. Несмотря ни на что, несмотря на разногласия, что часто возникали между ними (он еще не простил ей недавний разговор), Адам очень уважал жену. «Если бы она родилась мужчиной, это был бы достойный мужчина», — как-то решил он насчет нее.

Это был тот тип ингушской девушки, который всегда ценился в народе за мужество, трудолюбие, способность вырастить хороших сыновей. Однако таким девушкам часто не хватало женственности, но ингуши не считают это недостатком. «А стоило бы считать».

В детстве Адам слышал немало рассказов от бабушки о ее знакомых или родственниках, которых в Казахстане за кражу зерна или неосторожное слово, оброненное

в неподходящем месте, сажали в тюрьму на долгие сроки. И многие из них не просто выжили в лагерях, но и умудрились там заправлять.

«Если я умру, она справится одна», — размышлял Адам, любясь профилем супруги. Арифа готовила. Черная прядь выбилась у нее из-под сиреневого платка, губы беззвучно шевелились, вторя кулинарным заклинаниям внутреннего голоса.

Калитка отворилась, и во двор вошел Элберд — его двоюродный брат. Он поздоровался с Арифой, после чего они с Адамом обнялись.

Двери их дома всегда открыты, но Элберд для Адама был самым желанным гостем: нечасто среди родни встречаются поэты. Адаму всегда было интересно с ним, хотя он понимал, что Элберд, то ли из-за нехватки опыта, то ли по другим причинам, не всегда продумывает то, что пишет и говорит. Например, неделю назад ночью они сидели, рассуждая о Властелине колец, о Юнгере и других материях, и тут Элб говорит: «Язык — дом бытия».

— Что это значит?

— Если честно, не знаю, — неожиданно признался он, — но меня почему-то не отпускает эта фраза.

— А по-моему, ерунда какая-то, — нахмурился Адам.

Паська прибежала со стаканом воды, которую Адам с удовольствием выпил. Элберд поцеловал ее в щечку.

— Исе хочешь, папочка? А ты хочешь, Уберт?

— Нет, Паська, спасибо тебе.

— Не за что, — деловито ответил ребенок, выбегая на солнце.

— Адам, идите обедать, — зовет Арифа.

Элберд выходит из-под навеса и подхватывает хохочущую Паську. Солнечные лучи, проскальзывая между темно-зеленых листьев ореха, выхватывают ее головку в косичках, наливая золотом ореол парящих в воздухе пылинок.

Адам счастливо улыбается, но в душе привычно шевелится маленькая змея: что за ребенок вырастет у родителей, совершающих нечто запретное.

«Что именно?» — беспомощно спросил кто-то в голове.

«Зарабатывают нечестным путем», — мысленно произнес он, и что-то холодное скользнуло по сердцу.

Адам в бытность студентом никогда не думал, что попадет на государственную службу. Но, как принято говорить, так получилось. Точнее, так получалось, и получается вновь и вновь.

После работы в следствии он зарекся возвращаться на госслужбу, но в Ингушетии выбор невелик, и если у тебя появилась возможность попасть на работу в одну из вышестоящих контор республики, и не за деньги, а потому, что тебя заметили, то отказаться тяжело. И он не стал.

Со временем Адам нашел доводы в пользу своего положения. «Легко критиковать, — говорил он себе, — а ты сам возьми за дело и покажи людям, как надо». Адам верил, что это возможно.

4

Освежающий шум, с которым речной поток проносится по своему руслу, стал громче. Мягкая прохлада приободрила Адама. Как хорошо, вздохнул он с облегчением, что есть такая штука — тень. Иногда нужно благодарить и за малое. Где же ребята? Он прошел уже километра два вдоль берега. Увидел много отдыхающих, но ни одного человека, убирающего мусор. Они точно ушли.

Адам сжал ладонями виски, слабость в ногах усилилась. Он присел у дерева, надеясь, что приступ слабости пройдет. Зачем он отправился сюда, не созвонившись ни с кем. Как глупо. Как глупо все, что он делает.

Год работы на новом месте, после переезда из Москвы, в коллективе госслужащих, привыкших интриговать (иначе женщины скучали на работе), доносить друг на друга руководству, был совсем нелегким. И вот в этом коллективе он, молодой специалист, завоевал доверие коллег. Как он ликовал про себя, когда осознал это. Все-таки он боялся, что не сможет сработаться с земляками так, как ему удавалось с москвичами.

Только вот недолгой была радость. Вскоре обнаружили и неприглядные стороны. Недавно старший коллега вызвал его и сообщил о финансовой схеме, посредством которой намеревался обогатиться. Так и сказал: финансовая схема, посредством которой я намереваюсь обогатиться. По-другому они в кабинетах разучились говорить.

Где-то вдалеке счастливо повизгивала плескающаяся в воде детвора. Адам швырнул подобранный камешек в сторону реки. Какое-то время бездумно выводил прутиком на земле число тридцать пять.

«Как это странно, — подумал он чуть погодя, упершись затылком в кору дерева, — почему люди так любят менять названия? Как будто слова влияют на реальность, и поэтому алкоголик не называет свою болезнь алкоголизмом, нет, он „лечится“; вор „берет свое“, а Горлум, в любимой книжке Элберда, получил кольцо „в подарок“. Взятчик не берет взятку, он „принимает благодарность“, он не просит взятку, он лишь хочет, „чтобы его труд оценили по достоинству“».

Почему человеку так важны имена? Ведь все равно объективно кража — это кража, как ее ни назови. «Да, но та реальность, что в умах, — сказал себе Адам, повторяя за кем-то, возможно за Элбердом, — строится из слов. И меняя слова, мы перекраиваем реальность. И не только в своей голове, а во множестве голов. И вот уже некий человек, не ничтожный ворюга, а удачливый делец, уважаемый бизнесмен, сильная личность. А другой — не лжец, а пиар-менеджер, маркетолог».

Значит, то, что ему предлагают, — это, прямо говоря, взяточничество. Адам всю неделю убеждал себя, что он никого не обкрадывает, просто фирма, на которую переведут деньги, будет принадлежать ему. Почему бы и нет? А за это он отдаст часть полученного коллеге, который к тому же прикроет его.

— Смотри, как много тупиц, взятых по связям. Сидят здесь годами, получают зарплату. Не понимают толком своих обязанностей. А ты — башковитый. Ты понимаешь. Нам такие нужны. Мы не просто так тут, мы пойдем наверх, — увещевал его коллега, — наберем команду и поплывем.

— Да и что такого в том, чтобы подзаработать, никто тебя не поймает... — понял по-своему его колебания собеседник, — Я знаю, ты честный парень, но мы ничего плохого не делаем, просто по-другому никак нельзя. Само государство нас принуждает, иначе в чем смысл устанавливать госслужащим такие убогие зарплаты?

В словах коллеги было разумное зерно. Им всем платили копейки, и это когда у правоохранителей в той же Ингушетии зарплаты в пять раз выше: вот уж видно, кто здесь хозяин.

Поэтому он не смог сразу сказать «нет», лишь попросил отсрочку. Разговор состоялся пару недель назад, и с тех пор Адам все время вспоминал о нем. Много раз он пытался избежать чего-то подобного, и вот теперь снова. И хуже всего то, что он почти согласился. Да и сколько можно терпеть такое положение? Ему нужно содержать семью, строить дом. Нужно как-то существовать, пока другие воруют, живут в роскоши.

Было еще кое-что. Работа не радовала его, как не радовала сотни и тысячи таких, как он. Можно трудиться за гроши, если речь идет о любимом деле, но если ты ви-

дишь, что твое дело не приносит никому пользы, это подтачивает душевные силы. Может быть, многие меньше брали бы, если бы их просто благодарили за труды. Когда гробишь месяцы психической энергии на проект, нужный кому-то наверху для галочки, а после удачного завершения плоды твоего труда исчезают в недрах забитых макулатурой архивов, и так — многократно, это медленно лишает человека воли.

Недавно он заключил очень выгодный для государства контракт, но результат его усилий исчез, как камень, брошенный в пропасть глубокой ночью: без шума, без всплеска. Вот, наверное, удивились чиновники в семнадцатом году, когда камни полетели из темноты обратно. В них.

Многими овладевает апатия. Адам немало видел таких: средних специалистов, отлично знающих свое дело, но утративших понимание, зачем они работают. Их выдавали затравленный взгляд (появляющийся в минуты, когда им казалось, что никто их не видит) и мастерское умение сачковать. Они довольно жестко обращались со всяким приходящим просителем, впрочем не перегибая палку, и почти никогда не продвигались по служебной лестнице.

Он как-то поделился этими мыслями с Элбердом, который тут же своей поэтической интуицией проник в суть вопроса: «Ты делаешь, делаешь, делаешь, а левиафан жрет, жрет и жрет, запихивает в свое бездонное нутро. Он переваривает твою силу, твои мысли, тебя самого — для цели, тебе неведомой. Что за голова у левиафана? Плотно прижатая к тулову головка с глазками-бусинками и длинными усам-антеннами. Даже не головка, а шишечка в твердом хитиновом панцире, венчающая непомерное тело. Кажется нелепым, что этот нарост руководит столь огромным существом, но со временем, изучив его получше, ты ясно видишь, что движет чудищем не голова, а что-то таящееся в глубине его чрева».

«Как опасна эта маленькая голова. Стоит какой-нибудь дурной бактерии завестись в ее крошечных мозгах, и вот уже весь монстр безумствует, губя тех, кого он должен беречь. А они, не подозревая о его сумасшествии, в отчаянных попытках постичь, что все-таки происходит, встают пред лицом его, заглядывают ему в глаза, ищут там осмысленное выражение, но исчезают бесследно в бешеной пасти, разорванные, истертые в невидимые клочья. Если чудовище безумно, не ищи объяснения его действиям. Беги». А ведь они еще смеют называть тебя дурачком неприканным, — сжал Адам зубы, — хотя никто. Ничего. Не смыслит.

А ведь приход сюда грозит ему не просто лишением карьеры. Он может обратить на себя внимание, привлечь рыскающий взор окаянной твари. Ему ли не знать, он сам был ее зрачком. Адам еще на днях почти убедил себя принять предложение и стал почти счастлив, сбросив с себя тяжкий груз тоскливых мыслей. Можно быть почти счастливым, главное — уметь забывать. Не думать. Не думать. Не думать. Не думать об этом. Почти счастлив, почти забыв, как пять лет назад после университета вышел на работу в следственный отдел. Ему туда не сильно хотелось, но это было престижно. А потом Адаму пришлось посадить...

Адам потер виски, запульсировавшие с утроенной силой. Он не хотел вспоминать, но память — злая штука. «Следователь — лицо процессуально независимое», — говорит кодекс. «Потому что от него ничего не зависит», — добавляют сами следователи. «Но от меня зависело, — в тысячный раз подумал Адам за эти годы. — Я мог уволиться. Уйти».

Фемида дала крен на правый бок, десница с мечом оказалась тяжелей весов, и Адам ничего не сделал, чтобы исправить эту кривизну. Четыре года — разве долгий срок? «Я мог оформить его на восемь, а сделал по нижней планке, бесплатно».

После того случая Адам недолго там продержался. Уволился, не объясняя причин, хотя подозревал, что товарищи-следователи, привычные к алкогольной анестезии совести, в объяснениях не нуждались.

С тех пор он старательно избегал всего, что связано с уголовной темой. А когда Элберд дал ему почитать «Архипелаг ГУЛАГ», он отбросил книгу на первой же странице, как будто она жгла ему руки.

Тогда он разбудил в душе змей, и теперь они без устали жалили его во сне и наяву. Только в последний год он смог уверить себя, что парня все равно посадили бы, и может быть, даже еще на больший срок, и не он вынес приговор, а суд. Это было верно, но почему-то все доводы разума бессильны против змеи, что свивается внутри тошнотворным клубком.

Потом он работал в разных компаниях, но отовсюду уходил, пока вообще не уехал из Москвы, чтобы найти тихое местечко, где не надо делать выбор. Он даже подумывал после переезда заняться каким-нибудь бизнесом, но прошло полгода, а у него, как у человека, приученного государством к беспомощности, ничего не выходило. Деньги, привезенные из Москвы, заканчивались, глаза жены становились все печальней, и поэтому он стал искать работу. И нашел. Но не где-нибудь, а в Главном Аппарате.

5

Работа. В Ингушетии ты просто обязан работать. Каждый встречный, каждый родственник, приятель, сосед обязательно спросит тебя:

— Ты работаешь?

Каждый считает своим долгом узнать, где ты сейчас трудишься. Работе придается особое значение, как будто, работая, ты вдруг обретаешь некую ценность. В Ингушетии большое количество безработных, это официальная статистика. На самом деле многие промышляют, чем могут. Но «работой» в том торжественном и сакральном смысле, который придает этому слову ингушский обыватель, такую халтуру назвать нельзя. «Ты работаешь?» — «Да так, занимаюсь разными делами», — отвечают такие ребята.

Когда Адама спрашивали то же самое, он скромно отвечал:

— Да, приходится.

— А где? — обычно не отставали от него.

— В Главном Аппарате.

После чего шел значительный кивок, и собеседник говорил что-то вроде: «Ого, молодец», или «Да? И как ты смог туда попасть?», или «Я всегда знал, что ты будешь министром каким-нибудь», а один знакомый отца даже сказал: «Ну ты урвал!»

Несмотря на молодость Адама, статус его тут же повышался, взрослые (он все не мог привыкнуть, что он тоже в принципе взрослый) начинали серьезно расспрашивать о грядущих политических изменениях, вызвали у него: когда сменится очередной глава республики, не будет ли войны с кем-нибудь, повысят ли зарплаты...

Родители гордились его положением. Если у них интересовались, чем занимаются их дети, они с достоинством рассказывали, где работает старший сын, заставляя Адама краснеть, если он оказывался поблизости. Многие тут же начинали выяснять, сколько это стоило отцу и какие связи он подключил. Поверить, что Адам сам устроился на такую должность, они не могли, лишь хитро улыбались, понимающе щурясь: «Нас-то не проведешь».

Если раньше Адам звонил в местную администрацию по какому-нибудь вопросу, привычно ожидая грубоватого и короткого взаимодействия, то сейчас стоило ему упомянуть, откуда звонок, как невидимые шестеренки вдруг переставали издавать ржавый скрип, ускорялись и государственный орган на том конце провода, к всеобщему изумлению, приходил в рабочее состояние. В безнадежно скучном голосе служащих вдруг появлялись вежливые интонации и даже веселые нотки, означающие, что ему хотят помочь, как родному сыну. Потому что он из той же касты, только этажом выше.

Адам попал в большую лигу, и мысли о потере этого места были мучительны. А ведь большинство даже не понимают его забот. Как-то сразу после назначения ему встретился на улице одноклассник Гамид. После традиционных приветствий и расспросов Гамид, хлопая Адама по плечу, ехидно улыбаясь, сказал:

— Слышал, ты теперь в Главном Аппарате! Ну, красава! Я знал, что ты далеко пойдешь.

— А, да ладно уж, баркал, Дал раъз хийл¹, — махнул рукой Адам.

— Причем в такой отдел, — продолжал с энтузиазмом Гамид, — чую, скоро ты со своей развалюхи, ты уж прости, на законную тачку пересядешь.

— М... — промывчал Адам, выискивая что-то на своем рукаве.

— Да ладно, не отрицай, все мы такие, так и надо! Давай-давай двигайся, мути. И главное, не забывай про друзей. Мы с тобой давно не виделись, но знай, подпишусь под любой липой: однодневку левую быстро сляпать, нужные документы нарисовать, обращайся!

— Я не уверен... — в самом деле неуверенно начал Адам, — что у меня тут получится что-то такое делать.

— Да ладно тебе!

— Ну... да, — пожал Адам плечами.

— Узнаю старину Адама. Нет, ты прикидываешься...

Обычно Адам никогда не вступал в подобные полемики, но наглая ухмылочка, знакомая ему еще со школы, да насмешливый взгляд однокашника вывели его из себя.

— Послушай, — сказал он, — мы с тобой не такие уж и друзья. Ты вечно доставал меня в школе, только те времена прошли. Так что не говори мне, как поступать!

Впрочем, нет, Адам так не сказал, но подумал. А ответил он следующее:

— Гамид, как только мне понадобится помощь, я с тобой свяжусь, спасибо, что предложил. Мне нужно идти. Еще увидимся, — закончил он, надеясь на обратное.

— Конечно! Я на связи. Звони!

Со временем Адам осознал, что с людьми нужно общаться на их же языке. Как объяснить человеку, что внутри тебя змеи? Что не хочешь брать грех на душу? Скажи безумцу правду, и он швырнет в тебя ботинок, ответь ему ахинеей, и будешь заключен в объятия, и неизвестно, что лучше.

— Ну что, ты будешь выбивать себе эти субсидии, — спрашивает родственник, бывший работник органов.

— Не знаю, дядя, вряд ли, — качает головой Адам в притворном сожалении, — не хочу с экономической полицией связываться. Они факты выдачи этих средств внимательно отслеживают, — добавляет он казенным языком, понятным старому служаке.

— А, ну разумно, — рассудительно соглашается родственник.

— Получается у тебя шабашка? — спрашивает знакомый предприниматель.

¹ Спасибо, благодарю.

— Ты знаешь, я посчитал, что это не сильно выгодно, навар слабый, выхлопа нет. Нерентабельный проект, в общем.

— Ну, если так, — потирая бугристый лоб, задумывается бизнесмен.

Иногда Адам спрашивал себя (иногда, не без тайного самодовольства): может, с ним что-то не так? Ведь норма — это состояние большинства. Всю прошлую неделю Адам думал, что согласится. Уже размышлял, как безопасно провести необходимые операции. Только ему плохо спалось ночами, снился старый кабинет, сейф, горы шитых томов уголовных дел, сигаретный дым. Он часто просыпался, пугая жену.

Они сидели с Элбердом за чашкой чая, брат, пользуясь обычной молчаливостью Адама, рассуждал:

— Ты знаешь, я что подумал: на днях мы резали барана для жертвоприношения, и вот в чем фишка-то: две части из трех нужно отдать беднякам, но мы не знали, где их найти. Понимаешь, что это значит? Не могли найти бедняков, — с нажимом произнес он. — Мы стали богаче. Все мы.

— Бедные люди всегда есть, — резонно возразил Адам.

— Это понятно, но еще лет десять-пятнадцать назад с этим не было сложностей, а сейчас я долго решал, как распределить мясо. И в итоге я не уверен, что те, кому я отдал его, были такими уж мискинами². А мой отец говорит, что тот, кто не ест кишки и голову барана, тот за бедного не считается.

— Возможно.

— Возможно? Точно! — махнул Элберд выдернутой из чая ложкой. — Подумай об этом.

— Угу, — кивнул Адам, — я хотел посоветоваться с тобой. Мне на работе предлагают кое-что, немного незаконное. Но можно хорошо заработать, хотя, честно говоря, не хочется влезать. Но я не знаю, как отказаться. Сомневаюсь даже, брат, что нужно отказываться, потому что...

— Да ну... тоже мне беда, — перебил его Элберд, — взвесь все и решай сам. Хотя меня настораживает фраза «немного незаконный», это как слегка беременная, что ли? И вообще, разве это сложно? Вот знаешь, что совсем никуда не годится? Я написал два сборника стихов, оба на русском языке. И неплохих стихов, заметь! А теперь понял, что я — не ингушской поэт.

Адама покорило то, как его срезали, но он, сдержавшись, спокойно спросил:

— Почему это?

— Потому что я пишу на русском!

— Тогда и Идрис Базоркин не ингушский писатель, — возразил Адам.

— Верно. И никогда им не был, — стукнул ложкой по столу Элберд.

— Если я — ингушский поэт, — по обыкновению, вернулся к своей персоне Элберд, — то тогда Гоголь и Булгаков — украинские писатели!

Адам как раз приложился к блюдцу с чаем, но рассмеялся, не выдержав серьезного тона друга. Смешной была не сама фраза Элберда, а круг проблем, который его волновал. И все равно где-то в груди ослаб злой нажим.

Стемнело. Элберд ушел. На кухне ужинали дядя с отцом. Прислуживала им Ариффа. Адам собирался уйти в свою комнату, поиграть немного с Паськой, как услышал из окна, что отец зовет его.

² Бедняками.

Когда он вошел, мужчины прекратили разговаривать. Адаму тут же стало не по себе. Никогда не знаешь, чего ожидать от старших.

— Адам, — сказал отец, — Аслан хочет кое-что узнать.

— Да?

— Вопрос есть, — начал тот, — я слышал, что государство финансирует народный промысел. Говорят, есть программа, утвержденная по этой линии.

— И? — Адам уже знал, куда клонит дядя.

— Какие там документы нужно подать? Да... прямо скажу. Есть там возможность нам эти деньги пробить? Я сделаю бумаги, что у меня промысел, а ты можешь там подсобить? Заработанное поделим пополам.

— Конечно, сможет, — заявил отец, — если это вообще в его силах. Ты столько помогал нам, Аслан, ты старший, если не тебе, то кому?

— Мало ли, вдруг нет такой возможности, — из вежливости отвечал дядя.

— Да зачем нужны родственники, если они не опора друг другу! — продолжил отец, который и сам немало помогал братьям, близкой и далекой родне.

Адам молчал. Да и что тут скажешь? Выбора у него, видимо, не было. Тем более он на самом деле мог решить этот вопрос.

— Послушай, — строго посмотрел отец, — сделай все, что нужно. Не подведи. Ясно тебе?

— Да, — сказал Адам и удалился.

«Что же делать?» — размышлял он, бездумно уставившись в ноутбук. Рядом на ковре играл ребенок, но Адам его не замечал.

Вошла Арифа. Увидев лицо мужа, она обеспокоенно спросила:

— Что с тобой, Адам?

— Да так, ничего...

— Точно? Тебя огорчает просьба папы? Это сложно сделать?

— Да дело не в сложности, Арифа.

— А в чем?

Адам промолчал.

Подойдя к нему поближе, она сказала:

— Прости меня за то, что я днем говорила. Мы не голодаем, у нас все есть, больше нам ничего не нужно.

Адам поднял голову и внимательно посмотрел на жену.

— Построим мы этот дом потихоньку, ничего страшного. Не делай на работе ничего такого, что ты не хочешь делать.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно!

Только что Адаму казалось, что все хуже некуда, как его спасли. В самом деле, за каждой тяжестью приходит облегчение.

— Спасибо, Арифа, пусть Бог будет тобой доволен.

— Ты больше не злишься на меня?

— А с чего ты взяла, что я злился?

— Ага, ну как же, у тебя на лице все написано бывает. Весь день ходил, дулся.

Всякая обида на жену исчезла, если и была. Он еще не придумал, как вывернется с дядей, может быть, он уступит, главное — его поддерживают, в него верят.

Завибрировал мобильник. Это было сообщение от коллеги. «Ну что, ты определился уже? Время идет, скоро будет поздно. Нужна твоя помощь!»

Адам с проклятием бросил трубку на пол. Арифа, которая стояла рядом, потянулась было к нему, но Адам быстро отвернулся, сделав вид, что не заметил.

Около полуночи он увидел объявление в Интернете.

— Я пойду туда.

— Нет, Адам, не надо, — уговаривала его Арифа, — не хватало нам, чтобы тебя уволили.

— Да ничего мне не будет! Я просто хочу поговорить с другом. Мне давно надо было с ним встретиться, извиниться, что пропал.

— Но зачем тебе это?

— Я просто поговорю с ним.

— Пожалуйста, Адам, если кто-то сообщит твоему начальству, с кем ты общаешься, у тебя будут неприятности! Ты останешься без работы! Без всякой работы, слухи быстро распространяются, все знают, кто устроил погромы тех магазинов в прошлом году. Странно, что он до сих пор на свободе.

— Он смелый, Арифа. Он всегда говорит, что думает.

Но не всегда думает, что говорит. А уж творит порой вообще странное, добавил про себя Адам. В самом деле, начиналось все довольно невинно. Разоблачительные статьи о местных коррупционерах. Потом митинги. Затем перепалка с ОМОНОм, драка, пятнадцать суток. И вот уже в прошлом году Казбек с толпой ребят разгромил несколько магазинов в центре города, где скрыто продавали, как говорят, спайс и другие наркотики. Один из продавцов, защищая товар, был жестоко избит.

И все равно он до сих пор был жив и на свободе! А ведь эти магазины кто-то крышевал. В том, что Казбек уже под колпаком, Адам не сомневался. Это не Москва, где можно затеряться. Тут все на виду. Точнее, под прицелом.

— Адам, если тебя уволят, ты всех нас подведешь, подумай, тебе не нужен этот Казбек, не общайся с ним. Я знаю, ты его очень уважаешь, это твой друг, но с ним опасно!

Адам больше не хотел говорить с женой. Уйдя в другую комнату, в ту, где гостит брат, когда приезжает с учебы, он просто лег на диван, чувствуя, как недомогание усиливается. Завтра у него будет болеть голова, а ведь почти пошел на поправку. «Это все нервы», — подумал он, закрывая глаза.

6

И вот, чувствуя себя отвратительно, он сидел на берегу реки, почти в отчаянии от того, что не нашел Казбека. «Все тщетно, — пришла мысль, — а чего я ожидал?» Совета? Советов ему дают больше, чем можно унести. Нет, просто надоело бояться. Надоело жить в клетке собственного удобства. Нужно сделать что-то, что нарушит привычный круг. И что это, если не встреча с другом, которого избегал много лет, потому что его имя в списках неблагонадежных?

Вот почему он здесь.

Боже, как болит голова. Он зажмурился, потом разлепил веки, чтобы увидеть размазанные силуэты деревьев, качающиеся в тумане. Надо умыться. Он потянулся к воде, как вдруг его окликнули. Адам повернулся, пытаясь понять, кто зовет. Зрение у него было не ахти. Из-за деревьев появилась приземистая фигура, в которой Адам тут же узнал Казбека. Адам с силой провел ладонями по лицу, словно пытаясь стереть с него напряжение, пытаясь видеть яснее. Казбек твердо шагал к нему,

и неожиданно тяжесть в голове отступила, и Адама наполнила привычная радость, которую он испытывал еще в студенческие годы, оказавшись в компании друзей. Адам улыбнулся. Чем ближе подходил друг, тем большее облегчение охватывало Адама. Они обнялись.

— Что ты здесь делаешь?

— Да так, прогуливаюсь, — пожал плечами Адам, — красивые места.

— Были бы еще красивей, если бы люди не бросали тут всякий хлам.

— Это верно.

Они помолчали.

— Ты искал меня, — Казбек не спрашивал.

— Да не то чтобы...

— Искал. Я думал, что ты после того, как стал большим человеком, забыл о друзьях.

— Я не забывал, брат, просто много работы было, — неумело оправдывался Адам.

— Ладно уж. Как домашние? Дочка растет?

Они, как и положено вайнахам, поговорили о здоровье родителей, семье, общих делах.

— А ты изменился, — заметил друг.

— На себя-то посмотри, — Казбек в самом деле плотнел, не то что в студенческие годы, когда одежда висела на нем как на вешалке.

— Женился я, — довольно проговорил друг, похлопывая себя по животу, — ну в общем, говори, как ты?

Адам ответил не сразу. Стоит ли перекладывать на Казбека свои трудности? Впрочем, кто, если не друг?

— Знаешь, все как-то не очень. Работа эта. Мероприятия, субсидии, деньги. Предлагают тут разное...

— Конечно, предложат, — засмеялся Казбек, — а ты что хотел. Ничего, держись. Не сдавайся.

— Я стараюсь, Казбек, но почему-то становится с каждым днем все сложнее. Может, мне просто уйти? С голоду не умру. Бог прокормит.

— Подожди, не торопись. Уйти ты всегда успеешь, — почесал щетину друг, — ты лучше пользу принеси народу, родственникам, друзьям. Не ты, так другой там будет сидеть, в сто раз хуже тебя.

— Я понимаю... — со смутным беспокойством проговорил Адам, пытаясь поймать воспоминание о чем-то подобном. Ему это уже говорили.

— Послушай, Адам, еще пару лет назад я бы тебе сказал: беги оттуда! Но сейчас я понимаю, это не выход. И с каких пор ты убегаешь от чего-то? Помнишь, как я не мог выйти из подъезда на Серпушке?

— Ага, те ребята только и ждали, что ты объявишься.

— Они бы из меня сделали грушу, но я позвонил тебе, и вы со Славой прибежали и разогнали их как цуциков.

— Слава вообще отмороженный был. А я тогда руку об чей-то затылок сломал. Хорошее было время, — приятно, что друг не забыл.

Детские крики давно смолкли. Асса и так холодная, а после захода солнца вообще ледяная. Про Ассу всякое говорят. Говорят, что раз в году она издает страшный свист и требует себе жертв. И каждый год в ее обманчиво мелких водах находят утопленников. «Язычество все это», — подумал Адам.

— Так что соберись, дружище, и, главное, смотри на все это проще, — вырвал его голос друга из тумана.

— В смысле?

— Воспользуйся моментом. Я уже сказал: помогай тем, кто тебя окружает. Ты сейчас как раз можешь помочь мне. Раз уж мы встретились, наверное, мне стоит попросить.

— Конечно! — неестественно загорелся Адам. — Говори, решим!

— Ну, в общем... — Казбек посмотрел по сторонам. — Твоя контора заведует в том числе и торгами по республике?

— Так.

— У моего двоюродного брата маленький бизнес. Он не может пробиться на местный рынок, — Казбек замялся, — помоги ему получить контракт. А он выполнит всю работу по дешевке. Ну и сами уже договоритесь между собой, по справедливости.

— А как же... — обомлел Адам, — в прошлом году ты написал статью, где ругал чиновников за махинации с торгами...

— Читал, значит? Смотри, — заторопился Казбек, — ты совершишь благое деяние, — перешел он на религиозную речь, — поможешь человеку, который из-за всяких налогов и препон, что власти устраивают, не может нормально работать. И заметь, я не для себя прошу! Ты меня знаешь, мне это не нужно!

Потом уже Адам доказывал себе, что ничего страшного он тогда не услышал. Все равно обычно на торгах выигрывает «правильная» фирма, просто в этот раз победителем будет родственник Казбека. Да и не для себя же друг просил.

— Ингуши с каждым годом, становясь богаче, делаются еще хуже. Мало и мало вам всего, — невесело проговорил Адам, — я не про тебя, Казбек, я — в общем...

— Скажи еще, богатство испортило ингушей, нужно вернуться во времена, когда мы были бедней, — я все это знаю, это мои слова.

— Вот именно что твои!

Кажется, Казбек говорил что-то еще. Только Адам его не слышал. Боль в голове не хотела униматься. В груди что-то обвалилось.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Нет, нет, все нормально, — скривил губы в улыбке Адам.

— Ты какой-то бледный. Заболел? — Казбек обеспокоенно схватил его за плечо.

— Да, немного... Мне нужно ехать.

— Ну, так что, получится у тебя? Или ты мне откажешь? Я пойму, если...

— Ты не против, я посижу тут один? — перебил он старого друга, — что-то правда нездоровится.

— Да, конечно, конечно, — засуетился Казбек, — ладно, я пойду тоже. У тебя же есть мой телефон? Позвони мне, как надумаешь. Мегадьий? Давай т!аккх! Салам мoаршал д!але³.

Казбек сгинул где-то среди деревьев. Адам прислонился лбом к теплой коре дерева, его корни торчали из земли, повиснув без опоры. «Я как это дерево», — подумал он. Казалось, еще немного — и оно свалится в реку.

Перед глазами клубилась серая муть. Адам казался себе полым сосудом, как будто из него выкачали воздух, лишь при резких движениях что-то муторное поднималось из живота. Он не чувствовал земли под ногами, иногда ему казалось, что он падает или уже лежит, но мгновение спустя он обнаруживал, что все еще стоит, подерживаемый деревом.

Почему так получалось, что все, кого он любит или любил, толкают его в пропасть? Родители хотели, чтобы он работал в прокуратуре. Хотели для него лучшего. Разве они предполагали, что из-за них у него в груди навсегда поселится клубок змей? Все равно они не виноваты. И он не виноват, он хотел спасти того парня. Ему могли дать восемь, но дали четыре. В два раза меньше.

³ Хорошо? Давай тогда. Всем привет.

Казбек не просил ничего преступного, не просил же? Тогда почему так плохо?

Жажда денег коснулась всех, как болезнь, как эпидемия. Нет ни закона, ни адата. Ничего — там, где есть жажда наживы.

Вдруг Адам почувствовал, как что-то внутри сдвигается. Как будто ослабевшая душа его настолько сжалась в одну точку, становясь все тверже и тверже, что дальше некуда. Адам заскрипел зубами, переживая краткую вспышку.

Затем дурная взвесь в его сознании стала оседать, оставляя после себя багровые контуры гнева. Адам выпрямился во весь рост. Сердце сильно колотилось, воздух прерывисто входил в легкие. Ему захотелось кого-нибудь ударить, хоть самого себя.

Адам, шатаясь, направился вниз, к берегу, к свету мерцающего неба, к темному водяному потоку. Ниже и ниже, но его болезненному сознанию казалось, что он поднимается. Огляделся: никого нет. Все ушли. Он один на этом берегу. Скинув обувь и подвернув джинсы, он сделал первый шаг. Померещилось, что вода зашипела, соприкоснувшись с его кожей. Жар в груди сразу поутих, сердце сначала застыло железным комком, а потом забилось гулко. Он не виноват, что тот парень повесился.

Воды Ассы неглубокие. Утонуть сложно. Но сила потока утащит мало-мальски слабого. Адам, чтобы удержаться, ступней нащупал склизкий булыжник. Обретя равновесие, замер, а потом пошел, медленно поднимая отяжелевшие ноги.